
УДК 738.81+82-98

DOI: 10.31249/lit/2024.02.08

КУЗНЕЦОВА О.А.¹ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И РУССКАЯ ПРИКЛАДНАЯ ЭМБЛЕМАТИКА©

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы трансформации эмблематического девиза и сюжета на печных изразцах XVIII в. Выявляются стилистические и образные инструменты этих изменений: отрицание, повышение экспрессии, редукция, перенесение акцента на первое слово, создание новых комбинаций шаблонного изображения и формульного текста. Основное внимание уделено случаям преодоления эмблематической парадоксальности и перехода к идиллическим сюжетам, более популярным в прикладном искусстве. Мотивы неудовлетворенности, неустроенности окружающего мира выражаются на изразцах в духе традиционной народной лирики (о любви, разлуке, скоротечности жизни), которая доступными средствами воспроизводит высокие эмблематические интонации в духе *vanitas*.

Ключевые слова: эмблематика; прикладное искусство; изразец; девиз; *vanitas*.

Для цитирования: Кузнецова О.А. Эмблематический парадокс и русская прикладная эмблематика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 114–121. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.08

KUZNETSOVA O.A.² The paradox in Russian printed and applied emblems©

---

¹ **Кузнецова Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; o_kuznetsova@mail.ru

© Кузнецова О.А., 2024

² **Kuznetsova Olga Alexandrovna** – Candidate in Philology, Research Associate, Lomonosov Moscow State University; o_kuznetsova@mail.ru

© Kuznetsova O.A., 2024

Abstract. The article considers modification of emblems on Russian stove tiles of the eighteenth century. The regularities and principles of the text and plots change are revealed. These are: denial, increased expression, reduction, shift in emphasis to the first word, search for new combinations of motto and image patterns. The focus is on paradoxical, contradictory emblematic plots, which are not popular in applied art, unlike the idyllic ones. But in some cases paradoxical and tragic shades of meaning appear in the texts on stove tiles. Such inscriptions are similar to Russian folk songs about unhappy love, separation, transience of joyful moments and they reproduce the themes of vanitas by their own means.

Keywords: emblematics; applied art; tile; motto; vanitas.

To cite this article: Kuznetsova, Olga A. “The paradox in Russian printed and applied emblems”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2024, pp. 114–121. DOI: 10.31249/lit/2024.02.08 (In Russian)

Русская прикладная эмблематика – явление неоднородное. Эмблемы помещались на разнообразных предметах быта с разной целью, а качество и значение работы зависели от идеи заказчика, профессионализма мастера и реконструктора. Наиболее показательны в этом отношении печные изразцы, которые в течение XVIII в. занимали особую культурную нишу между народной росписью и «высокой» эмблематикой, сформировав собственный набор устойчивых визуальных мотивов и текстовых формул. Изразцы на монастырской печи могут быть сравнительно точным воспроизведением эмблем из самого влиятельного эмблематического издания с русскими текстами – «Символы и эмблемата» 1705 г. [Символы и эмблемата, 1705] (далее – СЭ). Дистанция между прикладной и книжной эмблематикой здесь минимальна: эмблема почти в неизменном виде переходит в пространство быта. В противоположном случае изразцовый мастер, готовящий комплекты для свободной продажи, имеет простор для творчества. Он использует шаблон с эмблематической гравюры, но снабжает его свободным комментарием или переиначивает смысл афористического текста, относя его к комичной картинке. Такое искусство имеет очень слабую связь с эмблемой, в нем остается только эхо интереса к эмблематике. Но основу подписного изразцового фонда

XVIII в. составляют сюжеты, которые опираются на культуру эмблематического девиза: тексты подражают высокому слогу или дословно заимствуются из книги. При этом визуальная составляющая изречения редко следует за эмблематической *pictura*. Изречения тяготеют к жанровой живописи, краткому нарративу или декоративным картинкам [Кузнецова, 2023, с. 16], поэтому на них больше говорящих людей, чем «говорящих вещей» [Махов, 2022, с. 61].

Одно из ключевых свойств книжной эмблемы – парадоксальность [Махов, 2022, с. 89]. Оно проявляется как в причудливой взаимосвязи между частями эмблемы, так и в девизе, который может звучать неоднозначно, обыгрывать трагические противоречия жизненных обстоятельств. Например, «живу в слезах» – эмблематическая подпись к изображению розы в кувшине с водой (СЭ № 527) – одному из самых недолговечных цветков, согласно эмблематическим книгам [Махов, 2014, с. 209]. Трагическое соединение в одном образе витальности и оплакивания жизни хорошо проявляется в немецком варианте девиза: *Ich lebe, aber in Tränen*. Эта эмблема переходит на изречения в первоизданном виде, но один из мастеров, не стремящийся дословно воспроизвести реалии книжной культуры, вносит изменения. Он сопровождает цветок, уже вовсе не похожий на розу и растущий на природе, созвучной репликой «живем в лесах». Скорее всего эта вариация вызвана не ошибкой, а сознательным желанием изменить текст, приспособить его под более универсальное изображение. На другом изречении реплика «живем в лесах» отнесена к двум зайцам. Стоит добавить, что тот же писец делает свободное пояснение к сценке, где персонаж ведет оленя: «В лесу поймал».

В изразцовых подписях определения и дополнения, прирастающие к простым номинациям животных (вроде «собака домашняя», «дельфин морской», «летит аспид на горы»), категоризируют их, расставляют по местам. Прибежище зайца и оленя – лес, опасные хищники (аспид, лев) и дикие люди обитают в горах, также оленей и собак можно встретить в полях (охотничьи сцены), домашний скот (верблюд, козел, баран) называется «дворовым» и т. д. Эта постоянно повторяющаяся избыточная информация гармонизирует изображаемый мир.

На эмблеме СЭ № 599 «Воля со страхом» (*Libertas sub metu*) изображен мчащийся конь без упряжи, который одновременно воплощает опасность и свободу, силу и разнузданность [Махов, 2014, с. 328]. Парадоксальность яснее выражена в английском варианте этого девиза: *Liberty but with fear*. На русских изразцах определение «вольный» в основном относится к животным и используется как синоним слова «дикий». Подпись «воля со страхом» переносится на скачущего оленя, режу – лошадь, причем лошадь может быть с седлом, хотя и без всадника. Текст не звучит парадоксально, поскольку его смысловой центр смещается на первое слово. Подпись явно характеризует свободно бегущее животное и сближается с номинативным «дикий верблюд», «вольной зверь лесной волк» и т.п.

Тот же смысловой перевес первого слова наблюдается при использовании эмблемы СЭ № 206 «Знает место и время» (*Loco et tempore*; соотносится также с № 552, № 569). В эмблематике этот девиз сопровождает журавля с камнем [Махов, 2014, с. 481]; крокодила, откладывающего яйца выше нильских порогов [Эмблемы и символы, 2000, с. 285]; бомбу с горящим фитилем. На изразцах текст чаще размещен под жестикулирующим человеком (видимо, в позе ожидания или начеку), но наиболее показательны примеры с животными: это сидящая на месте собака и бегущий олень с усеченной подписью: «Знаю место свое».

«Глокает и плачет» (с эмблемы СЭ № 701) – широко известная с Античности характеристика крокодила, заостренная именно в эмблематике, где крокодиловы слезы стали пониматься как лицемерие, а не искреннее оплакивание и раскаяние [Махов, 2014, с. 122]. На изразцах формула «глокает и плачет» используется часто, но связана она снова с собакой. Плач собаки можно пытаться объяснить при помощи бытовой логики, но все-таки он не является общим местом. Наиболее вероятно обращение к складному, апробированному в эмблематике афоризму ради его первой части, тогда как вторая сохраняется ради цельности текста. Интересно, что прожорливая собака, «глокающая все без разбора», сама по себе фигурирует в западноевропейской эмблематике [Махов, 2014, с. 356–357]. Примечательна текстовая вариация с собакой (видимо, описка) на суздальском изразце: «глокает и лачет» – то есть «лакает».

Сложность эмблематических девизов, их неудобство для изразцовых сценок наглядно демонстрируются курьезными изменениями, происходящими при копировании или любительской реставрации. Барабан, лежащий без дела, с подписью «не потребен без грому» превращается в бочонок – возможно, из-за деформации текста: «Не потребен без рому». Девиз к эмблематическому изображению гриба, нанесенному на деревянный шкаф, сохраняется лишь наполовину и искажается при реставрации: вместо «скоро родился, скоро исчезе» – «скоро родися скоро исьър». Гриб становится декоративным изображением, вроде цветов, цельность и смысл эмблемы утрачены.

Но есть и отдельные случаи сохранения памяти об эмблематическом парадоксе. Девиз «Надобно и приятно» (нем. *nützlich und angenebin*; лат. *utile dulci miscet*) на эмблеме СЭ № 48 относится к курительному сосуду: провозглашается соединение приятного с полезным. Парадоксальность, существующая и в аналогичной русской поговорке, состоит в том, что полезное часто неприятно. А.Е. Махов соотносит эту эмблему с СЭ № 100 (две пчелы, запряженные в плуг, *Omne tulit punctum*), поскольку латинские девизы этих эмблем вместе составляют строку из Горация [Эмблемы и символы, 2000, с. 283–284]. Плуг символизирует пользу, пчела (пчелиный мед) – усладу. На печных изразцах же «надобное» (вариация более частого «потребное», «потреба») образовало самостоятельный мотив, связанный с домашними нуждами: «Сие мне надобно есть» (о поднимаемом камне). Этот текст всегда комментирует атрибут персонажа. Однако на картинках, сохранивших оба компонента текста «надобно и приятно», возникает некоторая несуразность, «хромота» [Махов, 2022, с. 119], оставляющая простор для аллегорического толкования изображаемого. В одном случае этот девиз сопровождает даму на лоне природы (условного пейзажа-фона), которая держит циркуль и смотрит на растение; в другом – путто со скипетром в одной руке и вязанкой в другой.

Сведёние «высокого» к бытовому – продуктивная модель адаптации эмблемы. Но это не означает, что популярные изразцовые мотивы лишены напряжения и драматизма. Идиллические картинки (сентиментальные сцены и демонстрация изобилия) составляют меньше половины сюжетного репертуара. Очень часто на печках возникают размышляющие и опечаленные персонажи,

отчаявшиеся и бессильные, рефлекслирующие на тему любовных переживаний, смерти, неверных поступков в прошлом [Кузнецова, 2022]. Их переживания передаются через жест, позу и текст, причем в подписи выделяются инструменты, часто используемые для драматизации сценки: экспрессивные определения, отрицание.

Один из изразцовых персонажей в драматической позе, пронзенный стрелой, восклицает: «Изранен жестоко больно». Этот падающий на колени человек с вздетой рукой напоминает Прокриду с гравюры «Прокриса застрелена» из «Овидиевых фигур» [Овидиевы фигуры... , 1722, № 120]), хотя сходство обусловлено общими иконографическими законами, а не прямым заимствованием. Эта сцена на другом изразце сопровождается подписью «Едина токмо ранит», сохраняющей след эмблематического влияния. Текст соотносится с девизом СЭ № 642 «Одна только меня ранит», который возникает в широком контексте любовной эмблематики, играющей на контрастах: боль и сладость, сила и беспомощность. Однако изразцовая фраза содержит не противоречие а, наоборот, избыточную при столь небольшом объеме эмоциональность, выраженную в определениях.

Другой инструмент, отрицание, может создавать парадоксальность и в прикладной эмблематике. Например, эмблема СЭ № 530 «Труды мои превозвысили меня» (военные трофеи на пирамиде) имеет явно панегирическую интонацию, она использовалась в геральдике. На изразцах известна пока всего одна фиксация подобного изречения («труды моя велики»), а типовая подпись на эту тему выглядит так: «Труды мои ни во что вмению» (с небольшими вариациями: замена местоимения на «свой», сокращение текста). Характерно, что высказывание сопровождается персонажей, занимающихся разнообразными домашними и учеными делами, причем у каждой картинке есть «двойник» с положительной по смыслу подписью (вроде «сие мне угодно») – то есть один и тот же шаблон мог подписываться противоположными по смыслу фразами. Видоизменение текста, по-видимому, произошло под влиянием другого девиза – СЭ № 373 «Мирские вещи ни во что почитаю», как раз содержащего эмблематический парадокс (нематериальное бессмертие превозносится над всеми земными благами). Но анализ изразцового корпуса позволяет увидеть, что отрицание вообще продуктивный способ варьирования позитивной

формулы. Эмблематическое утверждение «Пользу приношу по времени» (СЭ № 397, тутовое дерево) имеет популярный на изразцах аналог «Несть в нем пользы», «Не чаю в нем пользы» и т. п. (персонаж комментирует растение). «Несет без труда» (из СЭ № 382, Атлас с земным шаром) соотносится с многочисленными репликами персонажей, в духе: «Не без труда мне сие нести». Наконец, отрицание становится инструментом комического обыгрывания изразцовой формулы, самопародирования некоторых мастеров: «Вот собака моя не слушает меня» (существует идентичный вариант подписи без «не»), «И стар, да не устал» (лейтмотив изразцовых сенок со стариками – время прожитых лет) и др.

Пожалуй, одна из немногих изразцовых тем, где парадоксальность сохраняется в собственно эмблематическом смысле, это связанные с культурой *vanitas* мотивы преходящей красоты, увядающих цветов, скоротечности жизни.

Изразцовый комментарий к дикорастущим цветам «Мало пребывают» или к сорванному человеком цветку: «Мало пребываешь» воспроизводят девиз СЭ № 367. Как часто бывает в массовом искусстве, на изразцах видовое как частное размывается и заменяется более общим. Символика временного чувства, связанного в западноевропейской эмблематике с анемоном (переведенным в более поздних изданиях эквивалентом «ветреница»), не сохраняется, но вполне считывается идея хрупкости цветка, а высокий стиль заимствованного текста позволяет делать проекции философского характера. Еще одна эмблема с цветком розы – СЭ № 365: «Не на многие дни красота, или мимо грядущая красота» (переводчик дает уточняющую формулировку, не предусмотренную оригинальной эмблемой). Существует несколько ее изразцовых интерпретаций: аллегорическая, где цветы срезаны, помещены в вазу и поставлены над насыпью с оградкой; бытовая: сборщик с корзинкой склонился над растущим цветком; промежуточная: женщина в короне со срезанной веткой в руке, указывающая на закрытый сосуд на столе (репертуар писца не позволяет дать однозначного ответа на вопрос, считывается ли смысл всех изображенных атрибутов или картинка десематизирована на стадии шаблона). Во всех трех случаях текст эмблематического происхождения в усеченном варианте («не на многие дни красота») хорошо подобран к картинке. Примечательно, что народной поэзии (лирической песне) образ увядающе-

го цветка тоже прекрасно известен. «Все цветики в саду» вянут при разлуке, когда героиня ощущает себя нелюбимой, а героя – обманщиком. Юный возраст возлюбленной соотносится с цветением, которое ощущается очень кратким моментом, сменяемым затем «жизнью плачевной». «Летечко-весна» противопоставлено зиме как «времени грозному», когда вянут цветы и наступает охлаждение, несчастье. Примерно в этом контексте могла возникнуть загадочная изразцовая подпись «Не таков цвет красен зимою, как в лето».

В прикладной эмблематике определенно проявляется тенденция преодоления парадоксальности, на которой строится классическая эмблема. Уход от парадокса снимает напряжение и если не приводит изображаемую сценку к классической для наивного искусства идиллии, то конкретизирует нарисованный объект, делает его понятным, а потому менее пугающим. Но сюжетам прикладной эмблематики не чужды и такие чувства, как неудовлетворенность, тревожность, тоска от неустроенности мира, быстротечности жизни. А потому гораздо более показательны случаи, в которых парадоксальность сохраняется. В них проявляется универсальность книжной эмблемы, возможность различными средствами, от стилистических до образных, воздействовать на массовое сознание, несмотря на элитарное происхождение этого жанра.

Список литературы

1. *Кузнецова О.А.* Меланхолия на русской печке // ЗЕЛО. – 2022. – № 5. – Чувства и эмоции в древнерусской культуре. – URL: <https://zelomi.ru/journal/melanholia> (дата обращения 30.11.2023).
2. *Кузнецова О.А.* Рождение героя на печи : лицевые изразцы XVIII в. как рисованные истории // Мир комиксов : изразцы, советский комикс, сёдзё-манга / сост. Ю.А. Магера. – Москва ; Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2023. – Вып. 7. – С. 13–22.
3. *Махов А.Е.* Жанр эмблемы в европейской книжной культуре XVI – начала XVII в. : проблемы герменевтики и поэтики. – Москва : ИМЛИ РАН, 2022. – 208 с.
4. *Махов А.Е.* Эмблематика : макрокосм. – Москва : Intrada, 2014. – 600 с.
5. Овидиевы фигуры в 226 изображениях. – Санкт-Петербург : [Б. и.], 1722. – 230 с.
6. Символы и эмблемата = Symbola et emblemata. – Amstelaedami : apud Henricum Wetstenium, 1705. – 304 с.
7. Эмблемы и символы / вступ. ст. и коммент. А.Е. Махова. – Москва : Интрада, 2000. – 366 с.